Андрей Ливадный Мир на ладони

Порой ему снились странные сны.

Антон не знал откуда в его сознании возникают такие странные видения. Конечно он повидал на своем веку множество миров, однако картины, что приходили ему во снах, не имели ничего общего с реальным жизненным опытом.

Хотя кто знает? Вселенная бесконечна и количество миров в ней неисчислимо. Возможно где-то есть другие, радикально отличающиеся от него личности, создающие непонятный разуму мрак, исколотый мириадами холодных колючих искр света?

Антон сидел на берегу высохшего русла, представлявшего собой широкий, явно искусственно созданный канал, с неподвластными бегу времени, отлогими берегами. Эту серую ленту, проходящую по периферии множества миров, чаще называли дорогой, но однажды, в одном из своих путешествий он встретил старого логрианина, который поведал ему, что раньше полноводная река плескалась феерией разноцветных брызг, соединяя бесчисленные миры с какой-то иной реальностью.

Странное утверждение не нашло отклика ни в душе, ни в разуме.

Хотя наверное старик прав — все меняется, далеко не в лучшую сторону. Из жизни уходит что-то важное, придающее смысл существованию. Наверное, в поисках этого смысла Антон время от времени пускался в долгие и опасные путешествия, туда к срединным мирам, не по проторенной дороге, а наугад, сквозь серую хмарь границ, в иные пределы, где, вероятно, не бывал никто, кроме исконных обитателей тех мест.

Конечно собираясь в очередное путешествие Шевцов понимал, что рискует. Сидя здесь, на берегу пересохшей реки, он мог не опасаться за свою жизнь, — окружающее пространство принадлежало и подчинялось только ему, но, стоило покинуть надежное убежище, как все менялось радикальным образом.

Там, за плотными, труднопроходимыми сумеречными зонами лежали иные пространства, по большей части враждебные, где каждый вдох давался с трудом…

И все же борьба на пределе сил казалась ему предпочтительнее, чем прозябание в собственном доме, где знаком каждый уголок и уже не хочется что-то менять.

От раздумий его оторвал голос, прозвучавший в сознании:

— Господин, мы наблюдаем деформацию сумеречной зоны!

Апатичность исчезла, будто ее и не было.

— Где?

— Прямо напротив главных ворот! За лесом!

— Иду. — Шевцов встал оборачиваясь в сторону своего замка.

В собственном мире, где все подчинено воле хозяина, расстояние вещь относительная, по крайней мере для него лично, и потому Антону оставалось лишь четко сформулировать мысленное желание, чтобы оказаться на наблюдательной площадке, рядом с вызвавшим его начальником стражи.

Увидев Шевцова инсект, закованный помимо природного хитина в легкую металлокевларовую броню, жестом указал направление, почтительно отступив на шаг.

Да, действительно лазурные небеса над лесом потемнели, там клубилось нечто серое, похожее на кучевые облака.

Вне сомнения, со стороны межмирья сюда на просторы спокойной, светлой, умиротворенной Данасии, пыталась прорваться неведомая сила, обладающая достаточным могуществом и опытом, чтобы вот так грубо переть напролом, презрев все мыслимые законы.

Нетрудно предположить, что гость… или скорее — гости, вряд ли проявят покладистость и дружелюбие, иначе они пришли бы по высохшему руслу реки, — единственной дороге, где не существовало барьеров между мирами, и, остановившись у отмеченной черты, попросили бы дозволения на проход через территорию Данасии.

Откровенно говоря Антон уже успел позабыть, когда в прошлом происходило нечто подобное.

Он закрыл глаза, мысленно сосредоточившись, но энергосканирование пока не давало точного результата, — сопротивление межмирья все еще скрадывало силы вторжения, не позволяя точно увидеть кто и в каком количестве прорывается через сумеречную зону.

— Воинам — на стены!

Древний, уже почти позабытый клич звонко прозвучал в напряженном, казавшимся предгрозовым воздухе.

Мысли Шевцова приобрели кристальную ясность, ладони ощущали прохладный чуть шероховатый камень стены, вопреки логике вдруг захотелось, чтобы поскорее лопнула серая хмарь, и возникла определенность.

Он взглянул на крохотные фигурки воинов, выглядевшими с высоты, как темные, сливающиеся с фоном стен точки. На нижних укреплениях сейчас шла лихорадочная подготовка к отражению внезапной атаки. Воины — в основном инсекты, среди которых мелькали редкие силуэты людей, отличающихся более крепким телосложением и носившим иную

экипировку, занимали свои места подле механизмов защитного периметра.

Нервно взвизгнули, выдвигаясь в боевое положение, орудийные установки. Небеса над цитаделью подернулись легким дрожанием, — это заработало защитное поле, призванное отражать энергетические удары.

Мысль, оттолкнувшись от этих картин, внезапно скользнула в прошлое.

Те далекие времена уже почти забылись, истерлись в памяти, исчезли под новыми впечатлениями, но сейчас, когда ситуация вдруг повторилась, оказалось, что воспоминания о давних событиях попросту ждали своего часа, притаившись где-то в глубинах подсознания…

…Издревле граничащими друг с другом мирами владели три расы: наиболее многочисленными были Логриане — двухголовые ксеноморфы, по своей сущности пацифисты и мыслители, стремящиеся лишь к уединению. Они традиционно занимались торговлей информацией, за ними в количественном соотношении шли люди, и лишь небольшая часть миров принадлежала Харамминам — голубокожим гуманоидам, грубым и воинственным, часто вступавшими в бессмысленные стычки с соседями.

Именно Логриане во время одного из дальних путешествий, поведали Шевцову о золотом веке, когда дружелюбие и согласие царили на просторах бесчисленных вселенных, у каждого мира был свой хозяин, а пересохшее русло несло бурные потоки радужной реки.

Затем случилось нечто необъяснимое. Никто не мог толково рассказать откуда взялись миллионы бездомных существ, — достоверно было известно лишь одно: они появлялись из радужных вод постепенно мелеющей реки, и разбредались кто куда. Старый логрианин говорил что они пришли из иной реальности, но Шевцов не верил такому утверждению, противоречащему его жизненному опыту. У каждого существа должен быть свой мир, и если они вдруг появились в чужих пределах, это, по мнению Антона, могло означать лишь одно: их личные миры по каким-то причинам разрушились.

Трудно представить какое бедствие смогло уничтожить миллионы миров, но факт оставался фактом, — сонмища пришлых существ буквально заполонили окружающие Данасию сопредельные пространства.

Это были смутные, трудные времена. Покой и незыблемость вдруг стали понятиями условными, многие хозяева миров не смогли сопротивляться вторжению пришлых, и как следствие — были вынуждены либо бежать, став изгоями, либо погибнуть, отражая немыслимое нашествие.

Именно в ту пору Шевцов впервые увидел Инсектов. Среди орд

бездомных они составляли подавляющее большинство, и у Антона еще тогда возникло чувство, что он когда-то (в еще более далеком, нереальном прошлом) однажды сталкивался с ними… и эта встреча носила далеко не мирный характер.

Впрочем, тогда ему было не до глубинных воспоминаний. Он не хотел терять собственный мир, и потому, усвоив горький опыт соседей, чьи владения в одночасье превратились в пестрые стойбища, он пошел на рискованный, но, как оказалось в последствии, — единственно-верный, оправданный шаг.

Во-первых, он приютил у себя нескольких лишившихся дома соседей. Дав им возможность управлять небольшим количеством энергии собственного мира, Антон обрел надежных и благодарных союзников. Вместе, прилагая все силы и воображение, они сформировали неприступную цитадель.

Когда по руслу иссякшей реки во владения Антона вторглись первые, разрозненные группы бездомных существ, он не стал уничтожать их, а позволил приблизиться к стенам. Увидев неприступные, отлично защищенные укрепления, никто из пришлых даже не попытался взять их приступом — кому охота быть распыленным и стать частью всеобщей энергии, питающей бесчисленные миры? Нет, хоть они и являлись бездомными (а потому несли в себе семя отчаянья), здравый смысл не до конца покинул их разум… По крайней мере, когда Шевцов обратился к скопившимся у стен цитадели существам с предложением мира, те не только выслушали его, но и с радостью приняли условия: в обмен на разрешение остаться, они поступали на службу к хозяину мира, клялись защищать свой новый дом от вторжений, и быть верными данной присяге.

Так Антон получил свое первое войско, разномастное, плохо обученное, но способное под грамотным руководством отразить любое нападение.

Вскоре такой подход стал хорошей традицией, и Шевцов смог сформировать настоящую армию бойцов, которые, за редкими исключениями оставались преданы ему.

С их помощью он вернул исконным хозяевам три соседних мира, граничащих с его собственным; там так же были возведены цитадели, и с тех пор необузданные, мигрирующие орды уже сознательно сторонились данного участка Вселенной.

…«Неужели все это было со мной»? — подумал Антон с трудом заставив свой рассудок вынырнуть из омута воспоминаний. События, что промелькнули перед мысленным взором, казались сейчас такими далекими,

что уже с трудом верилось в их реальность. С тех пор, похоже, минула целая вечность, раз он успел позабыть, как строилась цитадель и откуда появились ее первые обитатели.

Сейчас в его мире постоянно проживало пятьсот с лишним существ. Люди, инсекты и даже несколько логриан, изгнанных из своих миров, прекрасно ладили друг с другом, тщательно оберегая островок спокойствия в океане погрузившейся в хаос вселенной.

«Впрочем, и они уже вряд ли помнят историю своего появления», — Шевцов был уверен: останови он сейчас любого из поднявшихся на стены воинов и тот в ответ лишь пожмет плечами, — для них цитадель давно стала домом, и они всерьез считали, что так было всегда.

Вечность.

Прошла целая вечность с тех давних событий.

Воспоминания разбередили душу, чувство восторженной новизны, которое он испытывал минуту назад, показалось теперь глупым и опасным симптомом долгого благополучия.

Внезапно реставрированная память заставила его по другому взглянуть на назревающее событие. Сквозь хмарь межмирья прорывалось не развлечение, не избавление от скуки, а реальная угроза. Не зря ведь он в далеком прошлом прилагал усилия, отвоевывая миры соседей, возвращая их исконным владельцам: таким образом он создал дополнительную преграду на пути любой недружественной силы.

Однако внезапность событий говорила о том, что соседи не успели ничего предпринять, иначе они бы предупредили Антона о надвигающейся угрозе.

Он вновь прикрыл глаза, сосредоточившись на клубящейся серой мгле.

Пространство межмирья уже не сопротивлялось, оно было прорвано неистовым напором силы, — сквозь клубящееся облако прочерчивались смутные тени, не похожие ни на что из когда-либо виденного Шевцовым.

На цитадель надвигались не существа, а какие-то непонятные формы, присущие скорее механизмам, чем представителям известных рас.

«Машины. Вне сомнения, — это были машины, но разве может какой-либо механизм действовать по своей воле?!»

Абсурд. Любым механизмом должно управлять разумное существо, но мысленный взор Шевцова, проникая через броню, не ощущал присутствия внутри механизмов известных ему жизненных форм.

Неприятный холодок коснулся рассудка, непроизвольная дрожь скользнула по телу, возвращая память о таком чувстве, как страх.

— Нижние укрепления? — Не выдержав, осведомился он.

— На связи.

— Вы видите противника?

— Да.

— Почему не открываете огонь?

— Мы ждали команды…

— К фрайгу… — Древнее слово непроизвольно вплелось в мысленную речь. — Всем батареям — беглый огонь!

Твой мир — суть ты сам.

Древняя истина. Шевцов не мог ответить сколько прошло времени с тех пор, как строились эти стены, возводились и оснащались фортификационные сооружения, но видно смутные, вырвавшиеся из плена воспоминания не лгали, — хозяина мира нужно довести до определенной степени осознанного желания, чтобы сотворенное им обрело ту или иную мощь и предназначение.

Сколько же должно пройти спокойных, размеренных веков существования, чтобы память о тех событиях истерлась, потускнела, практически исчезла, болезненно возвращаясь лишь сейчас с первыми залпами энергетических орудий, полыхнувшим с передовых бастионов Цитадели?

Серую хмарь межмирья, прорвавшуюся вслед за пришельцами в проделанную ими брешь, внезапно озарили десятки ослепительных вспышек, — казалось, что сама реальность содрогнулась, закручиваясь в тугие смерчи попаданий, бледный свет разлился над просторами, озарив клубящиеся у самой земли серые облака и движущиеся на их фоне механизмы.

Их были сотни. Неисчислимое сонмище абсолютно одинаковых машин, сохраняя строй, волна за волной появлялись из серой мглы; похоже их совершенно не волновала судьба попавших под ураганный огонь собратьев: длинные, тупоносые, скользящие над поверхностью земли исчадия чьей-то злой воли равнодушно обтекали препятствия, с удручающей целеустремленностью двигаясь к стенам передовых укреплений.

Еще минута, и на равнине, среди пологих возвышенностей, уже горело десятка три чадных костров; из пламени, объявшего пораженные механизмы, с ритмичными хлопками выстреливались непонятные капсулы. Полутораметровые цилиндры с закругленными торцами, пролетая по короткой баллистической траектории, вонзались в податливую почву либо, ударившись бортом, откатывались в сторону от встретившего их

препятствия, и оставались неподвижно лежать, постепенно накапливаясь в распадках меж холмами.

Ураганный огонь по надвигающейся массе механизмов не стихал ни на секунду, но, не смотря на потери, те продолжали свое движение, — передовые группы атакующих уже достигли основания стен, и избежавшие попаданий машины вдруг начали трансформироваться, выпуская длинные прочные суставчатые манипуляторы. Еще мгновенье и они с лязгом вонзились в материал стены; первый из механизмов, закрепившись, начал подтягиваться, поднимаясь вверх, его сноровистые манипуляторы работали попарно, поднимая тяжелую машину по вертикальной стене.

Когда механизмы достигли орудийной площадки одного из нижних укреплений Шевцов вдруг остро, интуитивно почувствовал: на этот раз ему не удастся отбить атаку внезапных пришельцев. Неприступная цитадель неизбежно падет под монотонным натиском равнодушных к потерям врагов, — их было слишком много…

Добравшиеся до площадки нижних укреплений механизмы тем временем претерпели очередную трансформацию, — теперь их манипуляторы удлинились, а между ними возникло напряженное сияние энергетического поля.

Антон не успел даже предположить, что последует дальше. Все свершилось на его глазах: одна из машин резко выдвинула четыре телескопических захвата в сторону защитника цитадели, и красноватое сияние окутало воина-инсекта, спеленав того прочнейшими энергетическими узами.

Шевцов не услышал ни вскрика несчастного, ни каких-либо иных звуков, — орудия вышележащих укреплений в этот момент перезаряжались, черпая энергию из ткани самого мира, и вокруг наступила короткая тишина, в которой разыгралась немая, но наглядная сцена — манипуляторы механизма, пленившие инсекта, начали укорачиваться, потом внезапно изогнулись, подавая пленника к открывшемуся в борту машины отверстию.

Еще секунда и инсект исчез внутри, а жадные до добычи манипуляторы вновь начали удлиняться, выискивая на просторной площадке очередную жертву.

Антон понял, — нужно бежать.

Сонмище врагов неодолимо. Они вызывали стойкое ощущение мертвой, бездушной силы, победить которую обычными средствами невозможно: какой толк в том, что будет разрушено еще десять или двадцать машин? Остальные (а их были сотни) продолжат свой

непонятный разрушительный путь.

Все происходило достаточно быстро, но, уловив суть происходящего, Антон более не колебался. Быть распыленным в собственном мире, или того хуже — попасть в чрево одной из машин ему вовсе не хотелось, поэтому дальнейшими действиями Шевцова руководил не страх, а здравый смысл. Всегда есть резон остаться в живых перед лицом непонятной, неодолимой силы, чтобы иметь возможность разобраться в причине произошедшего.

Ответом на промелькнувшие в рассудке мысли, послужил четкий недвусмысленный приказ:

— Прорываемся! Всем следовать за мной! Уходим в межмирье, только там мы сможем спастись!

Его призыв был услышан, — не прошло и минуты, как на площадке рядом с Антоном стало тесно: каждый из обитателей Цитадели стремился в роковой момент встать ближе к хозяину мира, который обладал властью над энергетикой данности.

Когда на площадке стало совсем тесно Шевцов крикнул:

— Держитесь друг за друга! Всем задержать дыхание.

Воздух над укреплением начал сгущаться, мутнеть, теряя обычную прозрачность, по периметру зримо обозначившейся сферы потекли искажения; еще секунда и огромный пузырь защитного поля оторвался от площадки верхнего укрепления, ударился о стену, мягко отскочил от нее и начал удаляться от Цитадели, снижаясь по пологой траектории в тыл прорвавшимся исчадиям.

В первый момент казалось что на огромный шар, похожий на сгусток помутневшего воздуха, никто не обратит внимания, но прошло всего несколько секунд и большинство машин, до этого целеустремленно карабкавшиеся на стены, вдруг начали разворачиваться, некоторые в результате такого опасного маневра срывались вниз, однако большинство исхитрилось удержаться на отвесных стенах, и вслед беглецам полыхнул энергетический залп, выдержать который не смогла бы ни одна защитная оболочка.

Призрачная сфера успела преодолеть две трети намеченного Антоном пути, снижаясь и одновременно двигаясь в сторону пробитой между мирами бреши, когда первые разряды чужеродной энергии настигли ее, заставив слабое мерцание неистово вспыхнуть, превращая мутный шар в пылающий болид, внутри которого, как в ловушке оказалось заперто около полусотни защитников Цитадели.

Антон ощутил резкий жар и одновременно горло сжал спазм удушья.

Он боролся изо всех сил, стараясь поддержать целостность защитного кокона, от его неистовых усилий содрогнулась сама реальность, теперь пагубные искажения приняли глобальный характер: даже прочные, кажущиеся незыблемым стены укреплений вдруг начали пластично деформироваться, от них к пылающему шару тянулись зримые энергетические потоки, которые, вливаясь в защиту, гасили неистовое пламя… на миг реальность приняла совершенно жуткий, неправдоподобный вид: волны деформаций захвалили не только постройки, — исказилась земля и небо, а шар, казалось, завис на одном месте, привязанный к множеству опор толстыми, похожими на туго сплетенные канаты, мутными потоками энергетических выбросов.

Такими запомнил роковые мгновенья Шевцов. Как они виделись остальным он не знал — мир рушился на его глазах, произошло самое страшное, что могло случиться, — его неистовое желание было воспринято окружающим пространством, и теперь все вокруг оказалось подчинено лишь одному порыву, — удержать защитный кокон от полного разрушения, любой ценой.

Только сейчас он осознал истинную мощь пришлых — даже всей энергии подвластного ему пространства не хватило, чтобы полностью погасить огонь, отразить направленные потоки чужеродного излучения… несколькими секундами позже защитный кокон распался на высоте десяти метров над поверхностью видоизменившейся тверди, которая потеряла свои свойства, став похожей на податливое коварное болото.

Защитники Цитадели, окружавшие Шевцова, падали в энергетическую топь, мгновенно растворяясь в ней, и только он сам, удерживая последними усилиями воли ближайших воинов от рокового падения, продолжал скользить в сторону бреши, не касаясь разрушающейся поверхности, пока серая хмарь межмирья не всколыхнулась вокруг, породив ощущение леденящего пронзительного холода.

Все… Здесь заканчивалась его власть над пространством.

Он в полном изнеможении рухнул на что-то упругое, понимая, что отныне сам превратился в изгоя…

* * *

У каждого мира свои законы. Это утверждение с одинаковой справедливостью можно соотнести как с моральными нормами, царящими в определенном обществе, так и с поведением силы, формирующим ту или иную данность, которая есть отражение воли единственного существа (реже — группы существ) правящего реальностью.

Антон не помнил случая, чтобы закономерность, ставшая для него аксиомой, подвергалась сомнению.

Ни один мир не может существовать сам по себе…

И вот он потрясенно созерцал, как выглядит реальность, лишившаяся всякого смысла, утратившая хозяина, а следовательно формирующую и поддерживающую ее волю.

Темное, сумеречное пространство простиралось перед ним. Как будто впереди лежало продолжение серой субстанции межмирья, но Шевцов понимал — это не так. Он видел погибшую реальность.

Посреди мертвого пространства, которое покрывали замысловатые волны искажений, возвышалась частично разрушенная, скрученная, согнутая самым противоестественным, невероятным образом Цитадель, которая, в первозданном виде, была как две капли воды похожа на его собственный замок.

— Здесь никого нет. — Озираясь, заметил Дилиан Ортега — единственный человек, которому удалось спастись вместе с Шевцовым. Третьим членом их небольшой группы был инсект с коротким шипящим именем — Шашир.

Эммануил Корлели правил этой реальностью. Он являлся давним соратником Шевцова. Данный мир, попавший под власть бездомных кочевников, они когда-то вместе отвоевывали, общими усилиями возводили цитадель, и вот… Антон с ужасом смотрел на прихотливо скрученную, уже не пригодную для жизни, навек застывшую конструкцию, понимая, что приблизительно так же выглядит и его собственный мир, по которому прокатилась уничтожающая волна деформаций.

— Мы не пойдем туда. — Произнес Шевцов, с трудом заставляя себя отвести взгляд от пагубной для рассудка картина.

— А куда мы направимся? — Спросил Дилиан, и от Шевцова не ускользнул тот факт, что в обращении к нему не прозвучало привычного «господин».

Что ж… наверное это справедливо. Теперь они равны.

— Думаю нам нужно повернуть к руслу высохшей реки. — Вставил свое замечание Шашир. — Там нет преград межмирья.

— Считаешь, что легкий путь безопасен? — Усмехнулся Ортега. — Не один ты такой умный.

— Не спорьте. — Произнес Антон. — Нам необходимо всего лишь переждать некоторое время.

— Зачем?

— Машины, что разрушили наш мир, уйдут. А мы вернемся, когда

реальность полностью омертвеет.

— Зачем ждать? — Дилиан поежился, оглядываясь вокруг. — Разве мы не можем вернуться сейчас… господин?

— Нет. — Покачал головой Шевцов. — Чтобы прорваться, я освободил несоизмеримое количество энергии. Сейчас в нашей реальности все еще бушует ад искажений. Нужно выждать, пока все успокоиться, а потом пробовать возродить мертвое пространство.

— А почему не попробовать тут? — Дилиан демонстративно топнул ногой по застывшему пологому валу, в котором, словно в стекле, оказались замурованы замысловато перекрученные между собой предметы, растения, детали странных машин…

— Я не ощущаю присутствия Эммануила. Без него пробудить данную реальность практически невозможно. Ты же знаешь закон, Ортега. Каждый мир подвластен своему исконному хозяину.

— Даже не попробуешь?

— Не стану тратить силы. — Ответил Антон. Он присел на изгиб полупрозрачного, остекленевшего вала, в который превратилась искаженная почва, и добавил:

— Я чувствую себя опустошенным.

Дилиан, прищурясь, посмотрел на скрученную неистовой силой Цитадель и махнул рукой.

— Ладно, я с вами.

Антон едва ли расслышал его последнюю фразу. Взгляд Шевцова, рассеянно скользивший вдоль замысловатого изгиба, вдруг наткнулся на нечто любопытное.

Несомненно, поблизости подверглась разрушению одна из непонятных машин, что атаковали его мир. По крайней мере сквозь принявшую вид стекла поверхность он ясно различил расколовшийся кожух точно такого же цилиндра, что исторгали из своего чрева пораженные механизмы. Во время атаки он не успел уделить должного внимания деталям, и сейчас в замешательстве всматривался в толщу искажения.

— Шашир, Дилиан, посмотрите!..

Человек и инсект обернулись.

Некоторое время они всматривались в толщу остекленевшей субстанции.

Внутри расколовшегося цилиндра ясно просматривалась фигура логрианина.

— Такие цилиндры выбрасывали машины, прежде чем взорваться. —

Произнес Шашир, обернувшись к Шевцову. — Значит это двухголовые управляли вторжением?

Антон покачал головой, указывая на другой цилиндр, просматривающийся в нескольких метрах от первого. Он так же оказался расколот при деформации, но внутри был замурован уже не логрианин, а инсект.

— Пленники. — Антон вспомнил как энергетическое поле, схватившее защитника цитадели, сворачивалось в цилиндрический кокон. — Машины хватают всех, кто попадается на их пути.

— Зачем?

— Не знаю. — Откровенно пожал плечами Шевцов. — Количество миров неисчислимо. Кто и где породил этих исчадий мне неизвестно.

— Порождение больного рассудка. — Дилиан отвернулся, сплюнув на искаженную землю. — Только сумасшедший мог сотворить такое.

Антон ничего не ответил ему. Искажение являлось лишь следствием, и создал его не больной рассудок гипотетического шизофреника, пославшего машины на завоевание иных миров. Реальность исказилась от бушевавших тут энергий, а когда они иссякли все сущее застыло в полном статизе.

«Если бы я заранее знал о вторжении, увел бы обитателей замка к руслу реки», — пришла в голову здравая, но запоздалая мысль.

Это походило на наитие. В мыслях он был уверен, — машины проследовали бы строго определенным маршрутом и, не обнаружив добычи, углубились бы в сопредельный мир.

Откуда в нем такая уверенность Антон не знал, — жестокое потрясение стряхнуло оцепенение безвременья, что владело рассудком, и из глубин памяти то и дело выскальзывали обрывочные, не связанные с днем сегодняшним фрагменты былых знаний. Вероятно когда-то давно они имели для него основополагающую ценность, но потом оказались забыты…

— Пошли, что стоять. — Резко произнес он. — Может у русла мы найдем друзей. Не вериться, что Эммануил оказался пленником машин. — Он красноречиво указал взглядом на застывшие волны искажений, немо свидетельствовавшие о чудовищной напряженности схватки что бушевала тут некоторое время назад.

* * *

Пересохшее русло исстари являлось единственной дорогой связующей между собой отдельные миры. Идти по ней можно было до

бесконечности, Антону доводилось беседовать с путешественниками, пришедшими издалека, но ни разу он не слышал о том, чтобы пересохшее русло где-то обрывалось.

Видимо постулат о бесконечности Вселенной был справедлив. Нет у нее ни начала, ни конца.

Граница разрушенного мира четко обозначилась впереди спустя несколько часов изнурительно марша. Пологая впадина, с двумя наклонными симметричными берегами именовалась «руслом», но Антон, сколько не напрягал память не мог вспомнить, чтобы здесь текла вода. Однако название оставалось неизменным. Откуда бы не приходили существа, с которыми ему доводилось беседовать, они именовали дорогу, по которой передвигались, именно «руслом», не в силах объяснить почему им в голову приходит именно такое название.

А как я определил что замок атакуют «машины»? — Мысленно задался вопросом Антон. Ему до сих пор была непонятна та уверенность с которой он, не колеблясь, классифицировал враждебные создания, сразу же опознав их сущность? Нет, конечно термин «механизм» не являлся для него чем-то загадочным, — множество созданных им самим приспособлений облегчали жизнь обитателям цитадели, помогая выполнять тяжелые или рутинные работы. Существенная разница заключалась в том, что в мире Шевцова ни один механизм не мог работать сам по себе. А эти обладали волей, целеустремлением, — качествами присущими лишь живым существам… и в тоже время они оставались холодны, равнодушны, их не заботил факт собственного бытия, — судя по всему они уже давно продвигались через стены межмирья, неся хаос и разрушение, пленяя существ, обитающих на просторах разоренных их вторжением миров, равнодушные к содеянному, не отягченные собственными потерями, эти исчадия разрушали и разрушались сами с одинаковым равнодушием…

О том, что они пришли издалека, Антону поведала фигура логрианина, навек застывшая в глубинах искажения. Двухголовые ксеноморфы обитали очень далеко, за сотни миров от Данасии.

Шевцов вдруг поймал себя на том, что никогда не задумывался ни над смыслом, ни над структурой окружающего, принимая все как есть.

Я был хозяином мира. Я менял принадлежащий мне фрагмент реальности с легкостью, недоступной другим существам. Я мог, прилагая усилия, путешествовать через межмирье, и даже в чуждых реальностях мои способности не иссякали вовсе…

Откуда, от кого, и по какому праву я получил их?

Хороший, но безответный вопрос. Что-то шевелилось в глубинах

памяти, не находя отклика в сознании, смутные образы, пытающие вырваться из потаенных глубин, походили на тени, пугали своей кажущейся чуждостью, хотя, вне сомнения, принадлежали ему.

Я забыл. Забыл несоизмеримо большой отрезок собственной жизни… — Эта уверенность росла в душе, лишая покоя.

…

Воспоминания пришли внезапно.

Они как раз остановились на границе мертвого пространства, где искажения вздымались, словно сила, деформировавшая мир Эммануила, столкнулась тут с незримой, но неодолимой для нее преградой.

Создавалось полное впечатление, что русло реки защищено от любых мыслимых воздействий.

С трудом вскарабкавшись на вздыбившийся вал изуродованной почвы, они увидели впечатляющую картину: на дне пересохшего русла застыла одна из машин, подобная тем, что атаковали замок Шевцова.

Внешне она выглядела неповрежденной, но тут несомненно кипела схватка: рядом с непонятным механизмом отлогие берега были буквально усеяны телами, — повсюду лежали мертвые инсекты…

Очевидно машина, способная преодолевать преграды межмирья, спасаясь от вала деформаций, съехала в русло, по которому в тот самый момент продвигался многочисленный отряд насекомоподобных существ.

Схватка, судя по всему, оказалась короткой и больше походила на избиение — машина, несущая в себе энергии, способные рвать метрику межмирья, походя справилась со скверно вооруженным и плохо организованным отрядом кочующих из мира в мир инсектов. Такие формирования не являлись редкостью, они возникали волею случая и с такой же легкость распадались, — инсекты редко жили на одном месте, предпочитая перемещаться из одной реальности в другую, промышляя, кто как может, когда грабежом и разбоями, — реже трудом. Такое поведение снискало насекомоподобным существам дурную славу среди человеческих миров, хотя Антон до последней минуты не был склонен обобщать, предпочитая рассматривать каждый конкретный случай в отдельности. Из инсектов (при должном обращении с ними) получались хорошие воины, к тому же они по своей природе являлись великолепными строителями, хотя не каждому приходились по душе их архитектурные творения, выполненные из черного, как смоль, материала.

Зная, что инсекты тяготеют к теплу, Антон создал в своей реальности несколько мест, с соответствующим климатом, и благодаря этому практически никогда не имел проблем с кочевым отребьем — оседлые

инсекты, постоянно проживавшие в Данасии, сами разбирались со своими собратьями, не позволяя им бесчинствовать.

Некоторые, такие как Шашир, например, служили у Шевцова так долго, что он успел позабыть истории их появления.

Вспышка памяти, которую вызвал вид беспорядочно разбросанных, искалеченных тел, длилась недолго, но несла в себе столько информации, что воздействие воспоминаний для Антона было сравнимо с контузией…

Реальность внезапно поблекла, перед глазами, наслаиваясь на панораму русла, вдруг возникла иная картина:

…Проливной дождь косыми струями хлестал по площади, барабанил в окна, низвергался мутными потоками воды в колодцы ливневой канализации.

Несколько перевернутых машин уже не горели, а лишь лениво сочились горьковатым дымом: пламя погасила внезапная гроза, от приближения которой в одну минуту потемнело небо, превратив жаркий удушливый полдень во влажные сумерки.

Посреди центральной городской площади возвышалась громада космического корабля, совершившего посадку ранним утром. Его вид внушал невольный ужас — посадочный модуль своими формами напоминал трехпалую кисть исполинской руки, отсеченную в районе запястья.

Три длинных суставчатых «пальца» служили опорой для конструкции, из которой незадолго до полудня появились захватчики.

Население небольшого города-колонии, совсем недавно основанного на одной из окраинных планет скопления О`Хара, сидело по домам, — силы безопасности оповестили жителей о несанкционированном вхождении корабля инсектов в околопланетное пространство еще ранним утром. Командир сил самообороны посоветовал не выходить на улицу, заверив, что ситуация под контролем.

Какой к фрайгу контроль, когда спускаемый модуль дикой семьи инсектов торчит посреди главной площади города?

Антон испытывал раздражение. Он являлся человеком сугубо гражданским, да и межпланетной политикой данного сектора пространства особо не интересовался, — дипломированный экзобиолог он работал на колониальную администрацию и находился тут в командировке. Исследования экзосфер новых планет поглощало все его рабочее, да, что греха таить, и свободное время то же, поэтому Антон к тридцати годам не обзавелся ни семьей, ни домом, зато был увлечен любимым делом, и, не тяготясь многочисленными командировками, успел скопить приличную

сумму на одном из счетов банка Стеллар.

Единственное, чего он не выносил, — это когда ему откровенно мешали, ломая планы исследований, поэтому вынужденное бездействие, усугубившееся после того как оборвался информационный канал, и погасла сфера интервизора, вызывали у него глухое раздражение.

Страха в тот момент, когда в дверь его дома что-то глухо ударило, он не испытывал.

Из элементарной предосторожности Антон встал с кресла в котором коротал часы вынужденного бездействия за просмотром электронного обозрения «Все Миры», и направился к спуску в убежище, которым обязательно оборудовалось любое здание в первичных поселениях молодых колоний.

Инсекты конечно могут перевернуть весь дом, но им нипочем не вскрыть дверь из керамлитового сплава. В так называемом «индивидуальном отсеке выживания» имелся свой запас воздуха воды и продуктов, так что жизни Антона ничто не угрожало. Конечно перспектива просидеть неопределенное время взаперти, дожидаясь пока военно-космические силы Совета Безопасности миров отреагируют на вторжение, совсем не радовала, но выбирать не приходилось, — откровенно говоря, Шевцов не боялся инсектов, ему был привычен вид ксенобиологических жизненных форм, проблема заключалась лишь в том, что «дикие» семьи насекомоподобных существ не зря получили такое название: они не принимали участия ни в каких межрасовых или межпланетных соглашениях, жили сами по себе, по сути наплевав на законы Конфедерации, которая только приступила к первичному освоению свободных планет в недавно открытом скоплении О`Хара.

Симпатии или антипатии тут были не при чем. От существ, представленных по большей части неразвитыми формами,[1] а значит живущими по диким, нецивилизованным законам грубой силы, можно ожидать любых неприятностей. В любом случае рисковать не стоило…

С такими мыслями Шевцов спустился по короткой лестнице, остановился подле массивных, плотно запертых герметичных дверей, и только тут вспомнил, что забыл наверху, в гостиной, свою статкарточку.

Конечно аварийные ситуации, связанные с различными обстоятельствами, предполагали вторичную систему доступа, — человек мог элементарно потерять документ при стихийном бедствии или иной катастрофе, но подтверждение его полномочий, в обход стандартной процедуры допуска, займет три-четыре минуты, в то время, как данные со

статкарточки считываются сканером за пару секунд.

Торчать подле запертых дверей, терпеливо ожидая пока сканеры произведут идентификацию по набору уникальных признаков и впустят его внутрь, показалось Антону несерьезным. «Десять ступеней вверх, пара метров до стола и назад», — подумал он, решительно возвращаясь в гостиную.

…Он едва успел протянуть руку к злополучной статкарточке, как у дверей раздался странный, показавшийся жутковатым, царапающий звук, вслед которому внезапно и оглушительно прогрохотала автоматная очередь.

Шевцов застыл, словно изваяние.

Секунду назад он не мог и предположить, что способен испытать приступ леденящего душу страха, который заставит его оцепенеть.

Все когда-то познается впервые.

Дверь, разбитая в пластиковую щепу, внезапно подалась внутрь комнаты, сквозь огромные уродливые дыры, наискось перечеркнувшие сдвижное полотно, хлынули солнечные лучи, высвечивая замысловатые завитки дыма, затем раздался удар и преграда рухнула…

Гроза на улице закончилась, тучи разогнало ветром.

Хороший был день…

В изуродованном дверном проеме стоял инсект.

Антону, как экзобиологу, был хорошо известен данный вид разумных существ, но в этот раз все почему виделось иначе, совершенно в ином, отталкивающем свете.

Насекомообразное существо достигало полутора метров роста, хитин его панциря влажно и неприятно поблескивал. Сегментированное брюхо казалось белесым, остальные покровы варьировались по окрасу от темно-коричневого на спине до грязного, болотно-зеленого, покрывавшего хрупкие на вид конечности, которые смотрелись как уродливая пародия на строение человеческого тела. И руки, и ноги инсектов выглядели будто приклеенными по бокам заостренного книзу туловища.

Шевцов, все еще пребывая в оцепенении, понял, что инсект рассматривает его.

Голова насекомоподобного существа не имела четко выраженной шеи и казалась воткнутой в плечи. Стык головы и покатых плеч закрывали растущие внахлест, подвижные хитиновые пластины, по которым тянулся незамысловатый природный узор из бурых пятнышек, похожих на сыпь от болезни. Огромные фасетчатые глаза, смещенные ближе к ушным отверстиям, придавали застывшим чертам угрожающий вид, дыхательные щели, занимавшие центр лица, располагаясь «елочкой», мерно

подрагивали, втягивая воздух… из-под жуткой, вдавленной имитации носа, резко выступали роговые челюсти, способные обкусывать и мелко измельчать как растительную, так и животную пищу.

И все-таки Антона более всего поразил не внешний вид твари, а элементы его экипировки и оружие, которое инсект держал в своих тонких лапах.

Снаряжение бойца являлось человеческим, в этом не было никаких сомнений, стоило бросить один-единственный взгляд на удобную «разгрузку», ладно пригнанную поверх природного хитинового «броника»…

Теперь Шевцову стал понятен источник оглушительного грохота, который не могло создавать импульсное оружие — инсект сжимал в своих лапах «АРГ-8», — можно сказать раритетную штурмовую винтовку, наследие отгремевших много веков назад войн…

Немое созерцание вломившегося в дом инопланетной твари заняло несколько секунд — всего пару глухих ударов сердца, отдавшихся в висках ощущением горячего тока крови…

Адреналин.

Шевцов никогда не испытывал подобной смеси оцепенелого ужаса и обжигающего, рвущегося бесконтрольной дрожью мышц возбуждения, идущего из потаенных глубин организма, где до поры дремали древние как мир инстинкты.

Он понимал: еще секунда и инсект, не задумываясь, застрелит его…

Жуткие вещи вытворяет сознание в мгновенья смертельной опасности. Время утрачивает свой смысл, превращаясь в субъективную вечность, остатки здравого смысла, грубо попранные ужасом, тщетно цепляются за соломинки растоптанных знаний, пытаясь убедить — он не выстрелит… но ствол «АРГ-8» уже начинает медленное движение вверх, и вырвавшийся из под контроля страх физической смерти тут же топит сознание в мгновенном предвидении: Шевцов действительно успел представить, как тяжелые пули древнего оружия ударят его в грудь, пятная стену за спиной влажными плевками окровавленной плоти, горло сжал внезапный спазм удушья, а тело, уже не подконтрольное разуму, внезапно освободилось от ступора, и Антон, никогда не ввязывавшийся ни в драки, ни в какие-то иные неприятности, вдруг рванулся вперед, двумя руками резко опрокинув стол…

Это походило на кошмарное наваждение.

Инсект выстрелил, но пули лишь с треском пробили столешницу; в следующий миг в голову насекомоподобного существа с тошнотворным

звуком ударил подвернувшийся под руку Антона увесистый сувенирный письменный прибор, подаренный Шевцову несколько лет назад коллегами из института ксенобиологии.

Он плохо соображал что делает, — инсекта отшвырнуло назад, от удара тяжелого предмета, не выдержав, лопнул хитин и по застывшим чертам лица-маски вдруг потекла розоватая сукровица.

«АРГ-8» выскользнула из ослабевших пальцев насекомого и громкий стук падения штурмовой винтовки внезапно вывел рассудок Антона из страшного оцепенения.

Вторгшийся в его дом инсект медленно оползал на пол, скользя спиной по косяку выбитых дверей.

Его выпуклые фасетчатые глаза помутнели, что для Шевцова являлось явным, неоспоримым признаком наступившей смерти.

Дьяволы Элио… Я убил его…

Последняя мысль гулко отдалась в очнувшемся рассудке порывом иррационального, запоздалого раскаянья, которое тут же задохнулось, как только взгляд скользнул выше: в проеме дверей виднелся фрагмент улицы, где подле фасада противоположного здания, отреагировав на выстрелы и шум, остановились два вооруженных инсекта.

Вид безвольно оползающего по косяку сородича, не мог быть истолкован ими двояко.

Смерть.

Антону казалось что она пялиться на него своими выпуклыми глазами целую вечность, хотя с момента, как прогрохотала выбившая дверь очередь, прошло едва ли десять-пятнадцать секунд.

Его вновь начала сотрясать бесконтрольная дрожь.

Вряд ли он смог бы спастись, действуя разумно, но рассудок вновь потонул в адреналине, — куда подевалась его космополитичность — Антон боялся и ненавидел этих тварей каждым нервом, каждой клеточкой своего тела… Он даже не представлял, что на свете бывают чувства подобной силы, а жизнь может вихрится сумасшедшим калейдоскопом событий, в которых, как кажется, принимает участие кто-то другой, посторонний, но только не ты…

Он рухнул на пол рядом с мертвым инсектом, одной рукой подтаскивая к себе его тело, а другой на ощупь нашаривая осклизлый от сукровицы приклад автомата.

Оглушительная очередь прогрохотала прямо над головой, тело мертвого ксеноморфа несколько раз судорожно дернулось, принимая на себя предназначенные Антону пули, а он уже отползал вглубь комнаты,

сжимая в руках тяжелое, абсолютно непривычное оружие, с которым мог обращаться разве что по наитию.

Нет…

Это не со мной…

Он сжался в углу, вздрагивая всем телом на звук коротких очередей, визг шальных, рикошетящих пуль наполнял сознание неизбывной тоской, смерть, казалось, пляшет рядом, в каком-то миллиметре от неистово желающего жить тела…

В треклятом дверном проеме появилась неправдоподобно удлиненная, угловатая тень.

Пальцы до боли впились в приклад, сенсорный бугорок гашетки поддался под чрезмерным усилием, но выстрелов отчего-то не последовало, хотя Шевцов внутренне сжался, предчувствуя еще одну смерть.

— Эй, поосторожнее с этой штукой!

Голос, усиленный аудиосистемой боевого скафандра, пророкотал, как раскат грома.

Внутри все обмякло.

Человек.

В комнату действительно вошел человек, и вслед за тонкими всхлипами сервоусилителей мускулатуры, с улицы прокралась жуткая, гробовая тишина.

— Ну? — Разбил ее тот же рокочущий голос. — Ты живой?

— Инннсекты… — Противно заикаясь, выдавил Шевцов.

— Я с ними разобрался. — Спокойно сообщил голос. — Давай, поднимайся. Почему не в убежище?

— Я не успел…

— Ладно, разберемся. Только опусти ствол, и прекрати жать на предохранитель.

Антон медленно скосил глаза, посмотрев на оружие.

Вояка… Вместо гашетки, которая располагалась на пистолетной рукояти громоздкого и тяжелого оружия, он действительно изо всех сил продолжал давить побелевшими от напряжения пальцами на выступ предохранителя.

— Давай, отложи оружие в сторону. Пойми, некогда мне тут нянчиться с тобой. В городе полно инсектов — это дикая семья, им по одному месту все наши законы, усекаешь?

— Ты… Ты что не боишься их?

За дымчатым забралом боевого шлема не было видно лица

говорившего, но его слова звучали уверенно, они несли надежду, что эта дикая история все же может разрешиться благополучно:

— Чего мне бояться в боевом скафандре? Из «АРГ-8» его можно разве что поцарапать. — Антону показалось что незнакомец усмехнулся. — Давай, договоримся, ты сейчас спустишься в убежище и будешь сидеть тихо, как змееед с Прокуса, которому нечаянно наступили на хвост. А я тут погляжу в окрестных домах, — может кто еще нуждается в помощи… Не дрейфь, нам сообщили что десант ВКС Конфедерации будет высажен часа через три, это по максимуму. Все уладиться, вот увидишь.

Антон отчаянно хотел верить каждому услышанному слову. Он действительно положил на пол тяжелую штурмовую винтовку и встал, опираясь о компьютерный терминал, озираясь в тщетной попытке отыскать взглядом злосчастную статкарточку.

В следующий миг в дверной проем ударила длинная, тугая очередь.

Шевцов видел, как пули, высекая искры, с визгом рикошетят от бронепластин боевого скафандра, затем что-то дважды с силой ударило его в грудь и в живот, дыхание мгновенно оборвалось, что-то обжигающее, горячее хлынуло сквозь пальцы, которыми он инстинктивно схватился за грудь.

Кровь.

Как много крови…

Сознание крутанулось, будто он внезапно сорвался в пропасть.

Краски гасли… Все двоилось перед глазами, тупая, парализующая боль осталась последним и единственным ощущением тела.

Нет. Не последним.

Инстинктивно зажимая ладонями смертельную рану, Антон вдруг почувствовал под окровавленными пальцами какой-то колючий катышек.

Последним усилием он приподнял голову и прояснившийся на миг взгляд вдруг поймал прощальный поцелуй жизни, — окровавленный черный кристалл, который он носил на тонкой цепочке, никогда не расставаясь с ним, даже во сне…

Смерть обратима.

Он видел мир.

Мир умещающийся на ладони…

Затем сознание поглотила тьма.

* * *

…Шевцов медленно будто в страшном сне повернулся, впившись потемневшим взглядом в фигуру Шашира.

Не для кого не секрет, что инсекты по своей природе телепаты, но в обычной обстановке они могут воспринимать только целенаправленные, адресованные именно к ним мысли людей.

Видно ярость Антона оказалась столь внезапна и не обуздана, что Шашир не просто отшатнулся, — его будто отшвырнуло прочь, на добрый десяток метров.

— Господин… — Сипло прошипел он на скрежещущем языке своего рода.

— Я убью тебя! — Шевцов, не контролируя совершаемых действий, рванулся к упавшему инсекту, и вдруг его ярость словно налетела на прозрачную, звонкую стену: он с кристальной ясностью вспомнил, как давно и верно служил ему этот воин…

Чувства отхлынули так же внезапно, как и появились, оставив после себя лишь обычную легкую озабоченность, совершенно безликую перед остротой тех эмоций, что бушевали в рассудке мгновенье назад.

Словно по его мыслям прошлись ластиком, стирая их до состояния бледного, едва различимого отпечатка настоящих человеческих порывов.

Где я?

Что со мной?

Неужели я мертв… или сплю?..

Антон с трудом повернул голову заставив себя оглядеться вокруг.

Волны искажений вздымались прямо из-под ног и внезапно обрывались, будто обрезанные ножом, там где заканчивалась разрушенная реальность и начиналось русло пересохшей реки.

Когда-то я знал… Знал смысл сущего, включая и эту реку, давно превратившуюся в сухопутный тракт.

Куда же подевалась эта память, почему поблекли, истерлись чувства, что я представляю собой сейчас?

Кричащие вопросы, брошенные самому себе, воспринимались разумом, словно слабые, неумелые пощечины, призванные привести в чувство упавший в обморок рассудок.

Он вспомнил себя, стоящего на верхнем укреплении обреченной Цитадели, и невольно сравнивал пробудившиеся в памяти мгновенья неимоверно далекой жизни с теми ощущениями, что он испытывал перед лицом куда более страшной опасности, чем какая-то дикая семья инсектов, вторгшаяся на безымянную планету-колонию.

Разница в эмоциональном восприятии ситуаций была огромна, разительна…

Стоп.

Что такое планета? И почему память четко связывает с этим термином другой: колония.

Шевцов словно окаменел. Боковым зрением он видел, как поднялся на ноги ничего не понимающий Шашир, как исподлобья коситься на него Дилиан Ортега — бесстрашный и столь же равнодушный воин.

Неужели и для него кричащая острота поступков давно притупилась, как поржавевшее, бессильное быть оружием лезвие неухоженного клинка?

Какие странные слова и мысли. Сравнения, в которых мало смысла… Или я просто забыл их значение?

Экзобиолог.

Планета. Колонии. Звезды…

Окровавленный кристалл на холодеющей ладони.

Ему вдруг захотелось закричать так, чтобы мертвая реальность вновь взъярилась волнами искажений. Чтобы вокруг происходило что-то, отличное от обыденности или…

Или я сойду с ума?

Он ощущал возвращающуюся ярость, но не мог назвать по имени своего чувства.

— Господин. — Рука Ортеги легла на плечо. — Что с вами?

— Я не знаю… — Хрипло ответил Антон, с трудом удерживая себя от резкого движения.

— Мы собирались идти по руслу реки. Вот оно перед нами. Зачем ждать?

— Ты… — Шевцов резко повернулся посмотрев в глаза воина. — Ты то же забыл, что означает «чувствовать»?

Дилиан непонимающе уставился на Антона.

— Я привык исполнять приказы. — Наконец произнес он. — Или, на худой конец, слушать голос здравого смысла. — Добавил Ортега.

— И что тебе подсказывает здравый смысл?

— Ничего хорошего. Наш мир разрушен. Если не восстановить его — превратимся в бездомных.

Шевцов криво усмехнулся. Что-то незримо изменилось в нем за эти минуты.

— Допустим мы восстановим мир. И что потом? Станем жить как раньше, не задумываясь, кто мы и зачем? Только не выйдет… — Внезапно добавил он, понизив голос. — Они, — Шевцов красноречиво кивнул в сторону застывшей на откосе машины, — они вернуться. И вновь лишат нас всего.

Дилиан задумался, и когда его чуть хрипловатый голос зазвучал

вновь, в нем уже не было раздражающей рассудительности, а звучали слабые нотки эмоций:

— К чему ты клонишь? Если не восстановить мир, нам придется скитаться по чуждым пространствам!

— Я хочу знать, что произошло. — Сухо ответил ему Шевцов. — Мы должны добраться до логова машин, пока существует тоннель, ведущий через преграды межмирья.

— Хорошая идея. — Глаза Ортеги холодно блеснули. — Я всегда считал что лучший способ защиты — это нападение. Вот только мне кажется, что из подобной затеи ничего не выйдет. Нам предстоит двигаться по чужим пространствам, преодолевая сопротивление. Машины двигались быстро. В них заключена непонятная сила.

— Ты к тому, что бреши затянутся прежде чем мы пройдем через них?

— Да.

— Тогда воспользуемся вот этим, — Шевцов указал на механизм.

На миг в глазах Дилиана холодный блеск сменился выражением безграничного удивления. Антону казалось что воин смотрит на него, как на сумасшедшего.

Не было смысла препираться тем более что он не мог ни втолковать, ни внушить Ортеге или Шаширу того чувства подспудной уверенности в собственных силах, которая сидела на постоянной подпитке у очнувшихся воспоминаний.

В мире нет ничего невозможного. Все созданное одним разумным существом, при определенных усилиях, может быть успешно понято и использовано другим.

Кто-то в далеком прошлом говорил ему эти слова, вот только Антон сколько не силился, не мог вспомнить — кто именно?

Ему оставалось лишь одно: на деле проверить их справедливость.

* * *

Ортега и Шашир не спешили присоединиться к нему, молча наблюдая как Шевцов направляется к остановившейся машине, перешагивая через тела павших в бою инсектов.

«Наверное они думают, что я рехнулся, и иду навстречу собственной гибели». — Подумал он.

Нет. Чем ближе подходил Антон к непонятному механизму, тем сильнее становилось чувство уверенности: никто не станет причинять ему вред. Как соизмерялись подобные ощущения с окружающей обстановкой и событиям последних часов, он не мог объяснить даже самому себе, однако

останавливаться на пол пути не собирался.

Мешала та самая вспышка травматической памяти, что вырвалась на простор сознания, — он не хотел возвращения в состояние покоя, его тянула опасность, рассудок умолкал когда сердце вдруг начинало выбиваться из ритма ударов, и ощущалось в груди.

С ним происходило что-то необыкновенное. Словно вся благополучная бесконечность существования являлась противоестественным сном, а сейчас пробуждалась явь, острая, страшная, но влекущая…

За этими мыслями он едва заметил, как подошел к машине.

Остановившись Шевцов внимательно осмотрел ее, убеждаясь, что не все так страшно, как рисовало воображение. По некоторым характерным признаком он без труда определил, что конструкция создана человеком, — логриане и инсекты мыслили несколько иначе, и создаваемая ими техника отличалась рядом характерных особенностей. Хараммины предпочитали не создавать собственных машин, а пользоваться чужими наработками.

Рука Антона коснулась брони.

Ответом послужил тупой, ноющий холод. Он не знал что последует дальше, каждый нерв был напряжен до предела, все чувства обострились, словно произошло внезапное внутреннее перерождение его внутреннего «я», он был готов к чему угодно… но только не к тому, что произошло в следующий миг.

Расположенный в борту машины овальный люк бесшумно скользнул в сторону, открывая взору внутренний отсек, освещенный мягким желтоватым светом.

Он не отшатнулся, не отнял ладони от прохладной брони, лишь в голове промелькнула мысль… или фраза? принадлежащая той холодной, расчетливой силе что управляла данным механизмом:

«Вы опознаны как существо человеческой расы. Добро пожаловать на борт, пилот».

* * *

Нет, все-таки, при здравом размышлении, происходящее походило на нереальный мистический сон.

Он ведь совсем недавно сражался с подобными механизмами, и вдруг в его рассудке звучит недвусмысленное, доброжелательное приглашение войти внутрь, сопровождаемое непонятным термином «пилот».

Возможно так звали прежнего, отсутствующего сейчас, либо

погибшего хозяина этого грозного механизма?

Узнать правду можно было лишь одним образом — принять приглашение.

Антон вдруг резко ощутил, что испытывает такие же острые, режущие чувства, как те, что присутствовали в его жутком воспоминании.

Что произойдет когда я перешагну порог?

Стану я пленником или обрету власть над неведомой, но доказавшей свое разрушительное могущество силой?

Он шагнул в мягкое желтоватое сияние с таким чувством, будто делал шаг в пропасть.

…

Ничего непоправимого не случилось.

Внутри машины располагались три отсека. Тот, куда попал Шевцов, был расположен посередине, и представлял собой длинный узкий проход, вдоль стен которого располагались наклонные капсулы, забранные в конструкции, очевидно предназначенные не только для крепления, но и катапультирования двухметровых цилиндров в случае критических повреждений несущей их машины.

Он огляделся.

Все цилиндры были пусты, проход с обоих сторон оканчивался одинаковыми овальными люками в человеческий рост.

Не смотря на оторопь, он заставил себя обернуться и пройти по проходу до одного из них.

Шевцов ожидал что люк откроется, но ошибся. Не помогла и ладонь которую он приложил к выделяющейся среди пластиковой облицовки металлической пластине.

Вход в кормовой отсек был закрыт.

Тогда он развернулся и пошел в обратном направлении.

На этот раз его желание проникнуть в следующее помещение не встретило препятствий. Люк услужливо скользнул в сторону, скрывшись в переборке, как только он приблизился к преграде.

Антон увидел два кресла, расположенные перед непонятными приборными панелями, несколько плотно состыкованных друг с другом экранов, дающих хороший обзор, и еще много непривычных взгляду деталей, образующих некое логически завершенное пространство тесного помещения.

Не зная что предпринять Шевцов некоторое время напряженно рассматривал отсек, а затем, подчинившись интуитивному позыву, сделал шаг вперед и сел в кресло.

Оно моментально пришло в движение, словно старалось обнять его, пластично деформируясь, настраиваясь на анатомию и вес человеческого тела.

— Датчики обратной связи подключены. Система функционирует в автоматическом режиме. У вас есть возможность прервать действие активных программ.

Шевцов слушал спокойный, приятный голос, не зная, как отреагировать на него?

— Что произойдет если я прерву действие программ?

— Автопилот в автоматическом режиме проложит обратный курс. Мы вернемся к месту постоянной дислокации. — Осведомил его голос.

«То есть — машина будет двигаться в обратном направлении? Туда, откуда пришли сонмища подобных ей механизмов»? — Обожгла разум Антона справедливая догадка.

— Я могу позвать своих друзей? — С некоторым опасением спросил он.

— Внешняя аудиосистема включена. Говорите.

— Дилиан, Шашир, идите сюда! Забирайтесь внутрь механизма!

На экранах обзора было видно, как человек и инсект, после некоторого колебания с опаской приблизились к люку и заглянули внутрь.

— Господин, ты жив? — раздался хриплый, взволнованный шепот Ортеги.

— Жив. Залезайте!

* * *

Машина скользила в полуметре от поверхности земли, в автоматическом режиме повторяя все неровности рельефа, ни разу не сбившись с курса, не натолкнувшись на препятствие, придерживаясь наикратчайшего расстояния между пробитыми в метрике межмирья брешами.

Неведомые… или прочно позабытые чувства, мысли тревожили рассудок, порождая вопросы, ответ на которые, как надеялся Антон, откроется в конечном пункте их пути.

Только где он? Тонкая курсовая нить, проложенная по замысловатой и малопонятной схеме, вела через десятки миров, уходя в такие глубины мироздания, где возможно никогда не бывал ни один человек.

А как же тогда машины? Они ведь созданы людьми?

Ортега, которым владели схожие чувства, пробрался по узкому проходу между двумя рядами наклонных капсул, и сел во второе кресло

рядом с Шевцовым. Посмотрев на приборные панели, он перевел взгляд на обзорные экраны, где простиралась панорама очередной искаженной реальности.

— Как ты думаешь, кого мы встретим в конце пути?

Антон пожал плечами. Он мысленно задавался тем же вопросом.

— Надеюсь, что людей. Только не знаю какими они будут.

— В смысле?

— Тот, кто отправил машины на разрушение миров и захват их обитателей, преследовал определенную цель. Не думаю, что это доброе побуждение.

— Верно. Ты хочешь вступить с ним в бой?

— Я хочу понять, что происходит. Глупо верить в догмы об абсолютных злодеях. Я кое-что вспомнил, Дилиан, и могу поклясться — их не бывает. Но у любого явления есть породившая его причина и смысл.

— Ты так странно рассуждаешь, что мне непонятны твои слова… Что ты вспомнил? Я никогда не видел тебя таким.

— Смерть Дилиан. Собственную смерть.

— Ты умирал?

— Если верить воспоминаниям — да. Это произошло очень давно, в абсолютно ином мире. Могу рассказать, если хочешь…

— Пожалуй не нужно. Хотя я не понимаю, разве можно умереть, а затем воскреснуть?

— Я сам многого не понимаю. Но сила тех эмоций… — Антон говорил задумчиво, уже не обращаясь к Дилиану а скорее высказывая вслух терзавшие его мысли. — Я пережил за несколько минут столько, что хватило бы на целую жизнь. Ты можешь поверить, что когда-то я жил, не имея даже представления о том, как следует обращаться с оружием?

— Нет. — Покачал головой Ортега. — Не верю. Ты прирожденный воин.

— Боюсь меня необратимо изменила смерть.

— Боишься? Разве быть воином, защищать свой дом, своих людей — это зазорно?

— Ты не понимаешь меня. Я не о том. Почему воспоминания никогда не приходили раньше, а вернулись именно сейчас, после вторжения машин? В чем причина? Я больше не могу оставаться прежним. Вся наша долгая жизнь кажется мне какой-то глупой насмешкой, прозябанием.

Дилиан лишь сокрушенно покачал головой.

— Поэтому ты не захотел восстанавливать разрушенный мир?

— Какой в этом смысл? — Снова спросил Антон. — Какой смысл

строить, зная: может быть завтра они вернуться и вновь разрушат созданное. Да и не спроста все это…

— Хорошо, господин. — Привычное обращение прозвучало в устах преданного воина с неожиданной резкостью. — Я встану рядом с тобой и буду драться, куда бы не завезла нас эта машина…

Он внезапно осекся, — на обзорных экранах хмарь межмирья в очередной раз просветлела, но взгляду вдруг предстала совершенно необычная картина, непохожая на монотонные, приевшиеся пейзажи мертвых миров.

Они оказались среди сумеречного пространства по которому, заключенная в знакомые берега пологих откосов, текла тоненькая река… нет, скорее ручеек, состоявший не из воды, как то следовало предполагать, а из необъяснимого радужного сияния, словно по дну высохшего русла бежал ручеек света…

Механизм, починяясь заложенной в него воле, свернул к руслу.

* * *

— Антон, тебе не кажется, что мы заходим слишком далеко?

— Дилиан, повернуть назад я не смогу.

— Почему?

— Ты же видишь, машиной управляет автоматика. Я понятия не имею, есть ли тут вообще ручное управление.

— А остановить ты ее можешь?

— Не знаю. Хочешь попробовать?

Ортега мрачно промолчал в ответ. Некоторое время он смотрел на экраны, а затем произнес:

— Выходит вторжение было организовано отсюда? Это ведь явно не человеческий мир?

— Не человеческий, точно. — Кивнул Шевцов. — Не психуй. Думаю, мы почти прибыли.

Он старался не выдать растущего внутри беспокойства. Ему то же не нравилось окружающее пространство, которое само по себе казалось сродни той коварной, труднопреодолимой субстанции, что составляла ткань межмирья.

Куда ни глянь, везде черные или серые тона, мгла, которая источает тусклый свет, клубиться над руслом, принимая очертания непонятных объемных фигур, находящихся в постоянных медленных метаморфозах.

Угнетающее и таинственное зрелище.

В тесную кабину управления вошел Шашир.

— Приготовься к бою, друг. — Мрачно посоветовал ему Ортега.

Выпуклые глаза инсекта, лишенные зрачков не позволяли узнать куда именно направлен его взгляд.

— Господин, ты больше не сердишься на меня? — Обратился он к Шевцову.

— Нет, не сержусь. Извини Шашир, я сорвался. Ты никогда не причинял мне зла.

— Тогда можно задать вопрос?

— Конечно.

— Откуда здесь русло реки, господин? Я много странствовал, прежде чем попал в ваш мир, и точно знаю — высохшая река идет по цепочке миров, нигде не ответвляясь в сторону. Древние путешественники моей расы прошли ее всю.

— Откуда ты знаешь? — Недоверчиво хмыкнул Ортега.

— Любой член семьи обладает памятью предыдущих поколений. — Спокойно ответил Шашир. — Мои сородичи, появлявшиеся в Данасии, приносили с собой память и делились ею со мной. Русло реки образует огромное кольцо. Если идти по нему очень долго попадешь в ту же точку, откуда начал путешествие.

— Я понимаю о чем ты говоришь. — Шевцов покосился на экраны и добавил:

— Думаю, это другое русло. Мы прошли через бреши межмирья и оказались там, где не бывал ни один путешественник.

— Другое русло? — Переспросил Шашир.

— Да, и как видишь оно не пересохло до конца. Только я не могу понять, что означает этот радужный ручеек.

В этот момент машина плавно притормозила и остановилась.

— Приехали. — Мрачно констатировал Дилиан.

— Давайте договоримся. — Произнес Антон, не отрывая напряженного взгляда от экранов. — Держите себя в руках. Что бы мы не увидели — оружие применяем только для обороны.

— Я должен ждать пока меня…

— Ты должен держать себя в руках. — Оборвал его Шевцов. — И ты, Шашир. — Обратился он к инсекту. Мы в чужом мире, не забывайте. Иногда, прежде чем стрелять, стоит хотя бы попытаться поговорить.

— Не вижу, с кем тут можно пообщаться.

— Мир не разрушен, — резонно заметил Антон. — Значит, его хозяин где-то тут.

* * *

Они увидели его, едва успев подняться по отлогому откосу, образующему берега обмелевшей реки.

Это был логрианин.

Двухголовый ксеноморф стоял на возвышении, окруженный вездесущей серой субстанцией которая клубилась вокруг таинственной фигуры, то принимая причудливые геометрические формы, то вновь превращаясь в безликую мглу.

Шевцов остановился. Вокруг не было заметно присутствия каких-либо иных существ или машин. Только одинокая фигура логрианина, который, находясь в глубокой задумчивости, то сплетал в тугой канат, то вновь расплетал свои длинные шеи, придавала унылому пейзажу некоторое разнообразие.

— Шашир, попробуй обратиться к нему. Я плохо знаю язык логриан. Если он ответит, то переведи для нас ладно?

— А что я должен спросить?

— Просто поприветствуй его.

Логрианин внезапно изогнул шеи, повернув обе головы в сторону пришельцев.

Несколько секунд он пристально смотрел на них, а затем медленно, но внятно произнес:

— Я ждал, когда вы прибудете.

Такая форма приветствия несколько обескураживала.

— Ты знал что мы направляемся в твой мир?

— Нет. Но я предполагал и надеялся что рано или поздно кто-то придет ко мне через бреши межмирья.

— Значит это ты послал машины уничтожившие столько миров?! — Не удержался от гневного вопроса Дилиан.

Логрианин разнес свои головы в разные стороны, будто хотел взглянуть на Ортегу с диаметрально противоположных точек.

— Разве ты, воин, не умеешь различать принадлежность машин к той или иной расе? — Осведомился он. — Или ты не понимаешь что машина, на которой вы прибыли, человеческая?

— Какая разница? — Вступил в разговор Шевцов. — Мы используем логрианские устройства, так почему бы тебе не воспользоваться человеческими машинами?

— Отрадно слышать здравые мысли из уст человека. — Казалось что логрианин доволен началом разговора, не смотря на откровенный вызов

прозвучавший в словах Дилиана. — Давайте познакомимся. Меня зовут Ликлот. И я действительно рад вашему появлению. Не думал, что все произойдет так быстро.

— Что именно? — Резко осведомился Шевцов. — Мы пришли не затем чтобы разгадывать загадки. Тебе был задан прямой вопрос и мы ждем ответа, — кто послал машины, разрушать миры и…

— Их послало ВРЕМЯ. — Ответил логрианин. — Однако твой гнев неуместен, человек. Да, признаю, если бы машины не начали свой путь самостоятельно, я бы приложил усилия, чтобы побудить их к этому. Хотелось бы знать в чем вы пытаетесь меня обвинить?

— Многие миры разрушены, в том числе и мой. — Мрачно осведомил его Антон. — Механизмы хватают всех подряд, без разбора, и помещают в непонятные устройства. Тех, кто сопротивляется, они просто уничтожают. Нам лишь чудом удалось избежать гибели. Ты считаешь, что подобные действия должны вызывать восторг или оставаться безнаказанными?

— Ты разочаровываешь меня человек. — Антону показалось что логрианин вздохнул, хотя послышавшийся ему звук вполне мог быть словом из шипящего языка ксеноморфов. — Уверен, что машины не причиняли никому вреда… до тех пор пока вы сами не принялись разрушать их, верно?

Антон на секунду задумался.

Да, он приказал открыть огонь по механизмам как только те оказались в пределах досягаемости орудий Цитадели. Ну и что из того? Что он должен был ждать от неведомой силы, прорвавшей барьер межмирья?

— Рискну предположить, что ты сам разрушил свой мир, вызвав волну искажений, — тем временем произнес Ликлот.

Антона сильно раздражала подобная трактовка, но он удержал себя в руках.

— Я защищался. Механизмы хватали моих людей…

— А ты не подумал, что машины просто исполняют свое предназначение?

— Не понимаю, о чем ты.

— Тогда имей терпение выслушать. Неважно с какими намерениями вы пришли в мой мир. Я имею право требовать, чтобы вы выслушали меня, и, прежде чем судить, попытались понять сказанное.

Шевцов оглянулся на своих спутников. Дилиан и Шашир стояли в напряженном ожидании его решения.

— Хорошо, — согласился Антон. — Я слушаю. Мы все слушаем тебя.

Серая мгла в нескольких метрах от логрианина внезапно начала

сгущаться, формируя подобие сферы. Спустя несколько секунд муть исчезла и вместо нее в ограниченном объеме пространства проступила чернота: практически абсолютный мрак, в котором с трудом можно было различить несколько тусклых, размытых пятнышек света.

У Антона возникло невольное ощущение, что он смотрит в пропасть, а источники едва приметного сияния расположены очень далеко.

— Что это? — Подозрительно спросил Дилиан.

Логрианин повернул к нему обе головы.

— Прежде чем я отвечу, хочу, чтобы вы усвоили одну истину, принять которую непросто.

— Говори.

— Мы все не существуем.

* * *

— То есть как «не существуем»? — Резко спросил Шевцов.

— Мы не существует как биологические формы. — Терпеливо пояснил логрианин. — Любой из вас, обратившись к собственной памяти, неизбежно найдет в ней сцену своей гибели. Попробуйте…

Дилиан потрясенно умолк. Его лицо побледнело, потом черты воина внезапно исказила судорога.

Антон понимал что сейчас переживает Ортега.

— Я помню о том, что однажды умер. — Произнес он.

— Это хорошо. — удовлетворенное замечание Ликлота прозвучало зловеще, но Шевцов уже мысленно зарекся делать скоропалительные выводы.

— Никто не обладает абсолютными способностями, — тем временем продолжал логрианин. — Многие воспоминания относятся к столь далекому прошлому, что память о них оказывается погребена под впечатлениями от более поздних событий.

Перед глазами Антона внезапно встала четкая картина последних мгновений его иной, прежней жизни, — он вновь увидел свои дрожащие, окровавленные пальцы и крохотный кристалл, помещающийся на ладони.

Именно с ним была связана последняя мысль угасающего рассудка.

Спорить с собственным сознанием показалось ему бессмысленным. То, о чем говорил логрианин являлось правдой, но понимания по-прежнему не было, слишком далекими выглядели те события…

— Я не могу вспомнить… — Мучительно произнес он.

— Что именно? — одна голова логрианина повернулась в сторону Антона.

— Как я попал сюда. Ты можешь пояснить кто мы, и что представляем из себя?

Шеи логрианина вновь начали сплетаться.

— Очень давно… Не возьмусь уточнить цифру в реальном летоисчислении… — Начал говорить он. — Существовали четыре разумные расы. Это происходило еще до того, как люди с планеты Земля вышли в космос. Одна раса была уничтожена в неравной борьбе с древней формой космической жизни, другая, возомнившая себя бессмертными богами, постепенно измельчала и выродилась… — Он на некоторое время умолк, а затем продолжил оборванную мысль:

— Поэтому, когда люди начали свою Экспансию в дальний космос, на их пути встретились только две расы: инсекты — он изогнул шею в сторону Шашира, и мы, — логриане. К моменту нашей встречи эти вселенные, которые вы называете виртуальными мирами, уже существовали. Мои предки разработали уникальные микромашины, размером с небольшой кристалл, которые обладали достаточной мощностью и сопоставимой структурой, чтобы принять на свой носитель личность разумного существа. Мы называли их Ло́грами. Каждый Логр мог сопрягаться своими гранями с подобными ему кристаллами. Единение миллионов, а позже и миллиардов Логров образовывало Логрис, — бесконечную цепь миров, в которых продолжали жить разумы многих поколений моей расы.

— А как же люди и инсекты? — Не выдержав спросил Шевцов.

— Когда наши расы встретились, люди обладали достаточно развитыми технологиями, которые во многом превосходили древние разработки. Вы очень могущественная, экспансивная, но непредсказуемая раса. В этом ваша сила и слабость одновременно. В моей памяти сохранились сведения о том, что три цивилизации образовали союз. Людям потребовался Логрис, сначала для восстановления своей межзвездной сети, пострадавшей из-за конфликта с Харамминами… Затем мы передали человечеству технологию изготовления самих Логров, и, начиная с этого момента, люди так же обрели виртуальное бессмертие…

— Ты говоришь что наша техника превосходила древние аналоги. — Опять прервал его Антон. — Зачем понадобилось использовать Логры?

— Они удобнее, компактнее и технологичнее в производстве, чем кристаллосферы, которыми пользовались люди в своих экспериментах по копированию личности на искусственный носитель, — пояснил Ликлот. — Впрочем, сейчас данный вопрос не имеет решающего значения. Как выражаетесь вы, люди, факт налицо: любой из вас, точно так же как и я,

лишь копия бессметной личности, помещенная в Логрис.

— По твоим словам выходит, что у каждого существа должен быть свой мир… но в таком случае откуда взялись бездомные личности?

— В реальном мире произошли серьезные перемены. Они наступили не внезапно — проблема складывалась на протяжении огромного отрезка времени, а вот ее последствия наступили быстро и внезапно. Наша Галактика, как все в этом мире, не вечна. Прошли миллиарды лет, и некоторые звезды начали гаснуть, исчерпав свой ресурс. В плотно заселенной Галактике это явление стало катастрофой, которая усугубилась запоздалым пониманием со стороны расы инсектов, поначалу отвергшей технологии Логриса.

— Почему вы отвергли технологию логров? — Антон обернулся к Шаширу. — Разве твоей расе была безразлична окончательность смерти?

— Мы обладаем генетической памятью. — Ответил Шашир. — Каждый вновь рожденный имеет в своем распоряжении опыт всего муравейника. Я лишь смутно помню события о которых говорит Ликлот, но мне кажется, что бегство в Логрис было вызвано паникой…

— Если у вас не было Логров, то как вы очутились здесь? — Задал резонный вопрос Дилиан.

— Они воспользовались человеческой межзвездной сетью Интерстар, часть которой проходила через Логрис. — Пришел на помощь Шаширу логрианин. — Сюда были единовременно перемещены личности миллиардов разумных особей расы инсектов. Это едва не привело к катастрофе, но со временем кризис удалось преодолеть, фантомные миры стабилизировались — некоторые оказались оккупированы инсектами, иные приняли пришлых в свои реальности на добровольной основе…

— И что произошло далее? — Нетерпеливо перебил его Шевцов.

— О том, что происходило тут, ты знаешь и помнишь. — Логрианин изогнул шеи в сторону сформированного им фрагмента видеоизображения. — Однако, кроме вселенных Логриса, существует реальный, физический мир. С момента массового исхода инсектов прошли миллиарды лет. Звездное вещество, пригодное для реакций термоядерного синтеза исчерпано. Большинство светил прошли все стадии своей эволюции и погасли. Наша Галактика остывает. Жизнь покинула ее.

Антон слушал логрианина, глядя в бездонный мрак.

Он с трудом воспринимал цифры и термины которыми оперировал ксеноморф.

— Понятие времени в Логрисе относительно. — Будто прочитав его мысли произнес Ликлот. — Фантомная личность не обладает

способностью к четкому восприятию темпорального потока. Все субъективно, время каждого мира течет с той скоростью, с какой мыслит его хозяин. Для вас могли пройти годы или тысячелетия, но в реальном космосе минули миллиарды, а быть может триллионы лет. Никто из нас не задумывался над этим, в том числе и я сам, пока непосредственно в Логрисе не начались сбои.

— Отчего они происходят?

— Как любая машина Логрис зависим от источников энергии. Сейчас они находятся на грани истощения.

— То есть мы все на пороге гибели? Теперь уже окончательной?

— Не гибели, но энергетической комы. Информацию, записанную в Логр, практически невозможно уничтожить. Для этого нужно физически разрушить сам кристалл. Когда иссякнет энергия, связи между отдельными компонентами ослабеют, затем исчезнут вовсе и Логрис начнет распадаться на отдельные фрагменты, которые утратят функциональность. Наступит полный статиз

— Ты знаешь как воспрепятствовать этому?

— Надеюсь.

— Тогда говори!

— Наша Вселенная пульсирует. — Логрианин указал на слабые размытые пятнышки света. Раньше считалось что процесс пульсации охватывает все вещество, но реальное положение дел указывает, что это не так. Эволюция вещества в метагалактиках имеет локальный, очаговый характер. В то время когда одни звездные сообщества исчерпывают свой ресурс, превращаясь в остывшую материю, в иных пределах бесконечной вселенной только зарождаются звезды. Те слабые пятнышки света, что вы видите, на самом деле молодые галактики.

— Они неимоверно далеко. — Заметил Антон.

— Верно. В этом заключена серьезная, но преодолимая проблема.

— Ты считаешь что мы можем туда попасть?

— Безусловно. Когда-то Логрис располагал собственными техническими ресурсами. Многочисленные аппараты внешнего мониторинга, энергетические станции, и специальные корабли космического флота обеспечивали стабильное функционирование виртуальных миров. Когда я впервые задумался над возникшей проблемой, она казалась трудноразрешимой, но теперь я могу утверждать, что часть техники продолжает функционировать. Это вселяет надежду и дает реальный шанс на спасение.

— Не совсем понятно о чем ты говоришь. — Пробурчал Дилиан.

— Машины, воин. Те, что начали свое движение через преграды межмирья.

— Они-то ту при чем?

— Это программные модули, исполняющие функцию аппаратов эвакуации, если ты еще не понял.

— Они хватали обитателей миров, чтобы спасти?!

— Да. Ядро Логриса составлено из особых кристаллов, в которых размещены узкоспециализированные системы. Видимо они пробудились и приступили к исполнению своих функций. Каждый логр должен быть законсервирован для транспортировки. Изоляция многочисленных обитателей фантомных миров является подготовительным этапом эвакуации.

— Откуда ты все знаешь? — Подозрительно хмыкнул Дилиан.

— Я один из тех кто проектировал Логрис. — Спокойно ответил Ликлот. — У Логров есть одна особенность, о которой знают лишь немногие. Каждый кристалл хранит не только личность разумного существа, но и запись его генетического кода.

— Ты хочешь сказать…

— Да, человек. Изначально Логрис был спроектирован для более приземленных, практических целей, нежели вечное, бесплотное существование разума. Чтобы вам стала понятна изначальная суть проекта, я приведу запись, сделанную очень давно, в ту пору когда люди еще не знали что такое космос…

…

Логрис…

Он мертв и логичен.

Он смотрит на нас миллиардами своих сенсоров, а мы уже не существуем, ибо перешагнули ту грань, которая отделяет реальное от вымышленного.

Мир, созданный силой мысли. Что может быть прекраснее, загадочнее, величественнее и непостижимее его?

Иногда мне кажется, что он действительно прекрасен, как сладчайшая из грез, а иногда он становится отвратительным, как самый изуверский кошмар, но в том и заключается величайшее достоинство этого места, что ни один порыв сознания не может своим дуновением отсюда поколебать даже самый крохотный камушек настоящего мира. Внешний мир закрыт для нас, ибо он хрупок, мы же сильны, и существует лишь малая доля существ, сумевших осознать его хрупкость и свою силу. Остальные все еще ищут себя, совершая разные поступки, но, хвала Логрису, уже не там, а

здесь.

Наше жизненное пространство раскинулось в новом измерении, будто старая добрая Вселенная перестала существовать… А может быть, так и есть? Не знаю. Не уверен. Сейчас, мысленно записывая эти строки, я, признаться, уже не совсем помню, что такое реальный мир. Сколько прошло лет… или, быть может, наносекунд?… с тех пор как я в последний раз дышал, любил, осязал ТАМ…

Не могу сказать. Могу лишь заглянуть в базы данных и посмотреть, когда я отдал себя Логрису, но делать это не хочется.

Удивительно, как поздно начинаешь постигать многие истины. Например, ты всегда знаешь, когда с тобой что-то случается в первый раз, но разве можно предугадать, когда то или иное действие будет совершено в последний? Наверное, в этой непредсказуемости, в полном или частичном неведении своего будущего и кроется смысл жизни.

Только попав сюда, я с ясностью понял, что смысл жизни — в ее окончательности. Постоянно тяготеющий над нами призрак физической смерти заставляет жить, он дает стимул созидать и разрушать, стремиться к чему-либо, успеть сделать как можно больше до того момента, как физическая смерть заберет тебя.

Открыв принцип реинкарнации, мы разрушили этот естественный закон, а вместе с ним и психологическую устойчивость нашего общества. Первая волна реинкарнаций не принесла ничего, кроме радости, — ведь дети, собиравшиеся со дня на день навечно расстаться с родителями, внезапно вновь обрели своих близких. Да, они вернулись из чрева Логриса триумфаторами, победителями над смертью, и… что получилось из этого?

Сначала была радость, ощущение победы над вечностью, потом пришло разочарование и чудовищный, массовый срыв.

Психология живого существа, как известно, ориентирована на выживание вида в целом — такой постулат заложен в наше подсознание эволюцией, но эти же законы развития постулируют и наступающую в конце концов неизбежную смерть отдельного индивида. Это понятно. Но ведь именно данный столп подсознания, как выяснилось, и был подрублен открытием вечной жизни.

Появилось первое поколение «молодых старцев» с юным телом и ветхим разумом. После первого мига упоения наступило бессилие и родился вопрос: что дальше?

Отнять сделанное тобой в течение прошлой жизни у своих потомков и снова пользоваться этим, или начать все с нуля, будто ты, и вправду, молод? Но где взять те надежды и иллюзии, которые движут молодыми в поиске

самих себя, где взять оптимизм, жизненную силу, когда в тебе — жизненный опыт, знание, привычка к трезвому расчету, и на общество ты смотришь со здоровым цинизмом мудрого существа?

Первая реинкарнация породила, как оказалось, кроме всплеска всеобщей эйфории, еще и множество злых, надменных и жестоких существ. Они были юными, впереди у них лежала новая вечность, но они уже знали цену жизни, обществу, отдельным поступкам.

Вторая и третья реинкарнации взорвали наш мир и привели к созданию Логриса сегодняшнего, — не извращенной искусственной матки, постоянно выплевывающей в жизнь обновленных старцев, а мира внутри мира, — оборотной стороны реальности, где обитают бессмертные души, у которых отняли способность вставать поперек дороги молодым растущим поколениям и перекраивать реальный мир в угоду своим амбициям.

Я не жалею, что ушел сюда. Я не жалею о том, что вместе с другими создавал Логрис, ибо вокруг себя я вижу живых современников, которые просто сменили среду обитания на более приемлемую и безопасную, как для них, так и для реального мира. Здесь есть все, начиная от ощущения голода или сытости и заканчивая возможностью вести любые проекты, создавать что-то новое, или бесконечно переделывать старое, реализовывать себя и оставаться при этом самим собой: добрым или злым, здоровым или ненормальным, — ведь Логрис бесконечен и способен вместить в себя любую причуду.

Когда я участвовал в создании Логриса, то многие говорили: ты называешь срок смерти, ставишь планку ограничений в сознании миллиардов существ.

— Ничуть, — отвечал им я, первый из первого поколения реинкарнированных.

Да. Нужно стремиться к тому, чтобы жить долго. Настолько долго, покуда хватит желания и сил. Потом, когда плоть одряхлеет, разум устанет и тебе станет трудно, день ото дня все труднее и труднее, не насилуй себя, не цепляйся за свой страх, — просто скажи себе: я устал, и уйди, дай дорогу следующим, ибо вечность, заключенная в тесном узилище плоти, какой бы соблазнительной она ни казалась, — это ловушка для разума.

Приходи. Пространство Логриса примет тебя, и сотни новых реальностей откроются перед тобой, ты продолжишь начатый путь, но уже в иной ипостаси, в такой, которая в силу своей мудрости, усталости и рожденного опытом цинизма не сможет нарушить реального, не погубит тысячи, миллиарды существ собственной амбицией.

Приходи в Логрис, который переживет коллапс всего мироздания, и,

быть может, мы снова захотим жить в реальном мире, родившись младенцами в новых горячих Галактиках после следующего Большого Взрыва.

…

Эти слова потрясли Антона.

Они прозвучали как откровение, поставив все на свои места.

Больше не было двусмысленности, все стало очевидным.

Пришел именно тот срок, о котором уже задумывались создатели Логриса, когда люди только делали первые шаги в своем развитии.

Он медленно повернулся к Ликлоту.

— Ты сказал, что ожидал нашего появления. Объясни почему и зачем?

— Настало время действий. Ядро Логриса несомненно исполнит свою функцию, но никто уже не сможет поручиться, что внешние устройства, такие, например, как космические корабли, сохранили свою функциональность. Связь с ними прервана. То русло реки, по которому обычно путешествуют жители фантомных миров, на самом деле — опустевшие, лишившиеся наполнявшего их смысла, информационные каналы человеческой сети Интерстар.

— Люди исчезли? Я имею ввиду живых?

— Скорее ушли, покинули остывающую Галактику в поисках нового жизненного пространства.

— Значит помощи извне не будет?

— Нет. Мы можем рассчитывать только на себя. Я подумал об этом когда появились модули эвакуации. Опыт подсказывал — не все воспримут их появление как благо, и рано или поздно самые сильные, способные преодолеть свой страх личности придут проторенной ими дорогой, чтобы узнать откуда и зачем явилось в их реальности мифическое зло.

— Ты предлагаешь реинкарнацию?

— Да. Я сумел восстановить связь с одним из программно-аппаратных комплексов, предназначенных именно для такого крайнего случая. Мы должны выяснить: есть ли в нашем распоряжение технические средства, способные преодолеть Бездну и достичь молодых галактик.

Некоторое время в сумеречном пространстве логрианского мира царила тишина.

Два человека, инсект и логрианин смотрели в бездонный мрак, где едва угадывались тусклые пятнышки света.

— Можешь рассчитывать на нас. — Наконец произнес Шевцов.

* * *

Воздух отсека был затхлым.

Ощущение холода пришло на уровне далеких, полузабытых воспоминаний.

Антон открыл глаза.

Колпак камеры биологической реконструкции был поднят, и более ничто не отделяло его нагое тело от мира физического.

Некоторое время он лежал, прислушиваясь к глухой тишине, потом пошевелился, ощутив, что пальцы плотно сжаты в кулак.

Он повернул голову и увидел как из соседней камеры выбирается Дилиан.

Мы возродились…

Он разжал пальцы. На ладони, резко контрастируя с бледной кожей, лежал иссиня-черный кристалл.

Это был его Логр.

Мир на ладони, в котором он прожил целую вечность.

«Когда-нибудь я вернусь туда, чтобы убрать искажения…» — Подумалось ему.

Впереди лежал путь. Долгий неизведанный путь к далеким звездам, где они возродят Логрис и возродятся сами, чтобы снова посеять жизнь в горячих молодых галактиках.

notes

Примечания

1

Раса Инсектов, являясь общественными насекомыми, выработала в процессе эволюции особый механизм выживания: при длительном воздействии неблагоприятных условий внешней среды, либо при перенаселении, часть особей начинала стремительно регрессировать, превращаясь в послушных исполнителей воли Главы Семьи. После улучшения ситуации, либо оставшись в полном одиночестве, любой инсект мог вернуться в состояние «мыслящей формы» или первично развиться до нее, пробуждая знания прошлых поколений, заложенные в каждую особь на генетическом уровне.